

Кувшинов Феликс Владимирович

ГИБЕЛЬ "ДОМА" В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГГ.

В статье на примере русской литературы 1920-1930-х гг. рассматривается разрушение модуса дома как репрезентация социально-исторических изменений, происходивших в раннем СССР. Дом как символ постоянства, индивидуальности и уюта противоречил духу эпохи послереволюционных лет, для которых характерны масштабные строительства, перемещения масс, идеи строительства будущего общества. В этом контексте традиционная символика дома в официальной литературе меняет свое оценочное качество с положительного на отрицательное: дом становится локусом, где обитает враг, предатель, противник нового политического курса и идей воспитания человека нового общества, что становится обоснованием для дискредитации дома.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 33-35. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В статье на примере русской литературы 1920-1930-х гг. рассматривается разрушение модуса дома как репрезентация социально-исторических изменений, происходивших в раннем СССР. Дом как символ постоянства, индивидуальности и уюта противоречил духу эпохи послереволюционных лет, для которых характерны масштабные строительства, перемещения масс, идеи строительства будущего общества. В этом контексте традиционная символика дома в официальной литературе меняет свое оценочное качество с положительного на отрицательное: дом становится локусом, где обитает враг, предатель, противник нового политического курса и идей воспитания человека нового общества, что становится обоснованием для дискредитации дома.

Ключевые слова и фразы: репрезентация повседневности; дом; символ; квартирный вопрос; бездомье; быт.

Кувшинов Феликс Владимирович, к. филол. н.

*Липецкий институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права
fkuvshinov@yandex.ru*

ГИБЕЛЬ «ДОМА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГГ.

Квартирный вопрос, ставший одной из констант повседневной жизни СССР и наиболее остро проявившийся в 1920-1930-е гг., в литературе указанного периода получил свою репрезентацию в виде одноименного мотива, который по своей структуре носит оппозиционный характер [6], а по внутреннему содержанию характеризуется смещением традиционных доминант. Это касается и локуса «дом», который не вписывается в новую парадигму государственных ценностей и потому закономерно уничтожается в литературе указанного периода.

Идеология новой власти отрицала наличие собственного жизненного пространства как островка свободы, как «первоосновы человеческого бытия, его главной опоры и гарантии стабильности жизни вообще» [20]. Не случайно уже на стадии проектирования городской жизни руководство ориентировалось на идею контроля за жизнью своих подданных [14]. Поэтому дом, находящийся в личном владении, например, М. А. Булгаковым выносится на периферию художественного пространства; сам образ дома уходит из литературы так же, как и из реальности, которую она описывала.

Дом, находящийся в личном владении, фактически отсутствует в русской официальной прозе 1920-1930-х гг. («Мотив дома в ранней советской прозе, по существу, отсутствует» [1, с. 38]) и/или, как правило, подвергается критическому осмыслению. Это примета кулачества, единоличника, отщепенца, врага, предателя. Личное жилье, тем более обособленное, связывается с пороками, классовой чуждостью, с мотивом врага и смерти, с вызывающей сытостью на фоне послереволюционного голода.

Примером может служить характеристика частных домов, данная А. С. Макаренко в «Педагогической поэме» (1933-1935), где на контрасте показаны ухоженные, «сытые» дома кулаков, окруженные «заборами, крытых аккуратно и побеленных белоснежно», в которых «по праздникам заливались самогоном, от их жен пахло новыми ситцами, сметаной и варениками» [9, с. 98], и коммунальное жилье, размещенное в полуразрушенном доме, в котором обитают полураздетые питомцы.

Характеристика дореволюционного дома, данная приверженцем нового строя, всегда однозначна и неизменна. В рассказе А. П. Платонова «Усомнившийся Макар» (1929) комендант следует этой нехитрой формуле «раньше было плохо, сейчас – хорошо»:

«Дома-то строили раньше, – согласился комендант. – Только в них тогда жили негодяи, а теперь я тебе талон даю на ночевку в новый дом» [16, с. 227].

В русской литературе рассматриваемого периода находящийся в личном владении дом утрачивает положительные черты и обретает негативные: во второй книге «Поднятой целины» (1932-1952) казачий дом (символ традиционализма, патриархальности, семейственности [4]) становится местом тайного матерубийства Яковом Лукичом Островным. Старый дом, чудом сохранившийся в замятинском будущем, становится местом для сбора заговорщиков.

Выводы напрашиваются сами собой: раз личное, огороженное пространство становится источником пороков, то эти ограды, стены необходимо уничтожить, лишить жилище уюта. Поэтому жилье будущего прозрачно («Мы» (1920) Е. И. Замятина), подконтрольно.

Вследствие того, что личный дом был чужд внутренней политике раннего СССР, дом как образ разрушается и в литературе, что позволяет некоторым исследователям делать замечания, например, относительно М. М. Зощенко («Локуса дома в рассказах М. Зощенко нет» [23, с. 94]) или К. К. Вагинова, с теплотой относившегося к прошлому («если в Петербурге локус “дом” может быть реализован как квартира, собственно дом или даже особняк, то в Ленинграде от этого многообразия останется только квартира или даже комната» [24, с. 97]).

Поскольку дом чужд, ассоциируется с прошлым, поэтому с такой страстностью он уничтожается в романе Ф. В. Гладкова «Цемент» (1925), где с первых страниц создается образ мертвого жилища:

«Днем Глеб совсем не бывал дома: эта заброшенная комната с пыльным окном (даже мухи не бились о стекла), с немывтым полом, была чужой и душной. Давили стены, негде было повернуться» [3, с. 29].

Несмотря на то, что в воспоминаниях Чумилова живет совершенно иной дом, уютный, ласковый, с самоваром и смехом [Там же, с. 29-30], выводы Гладков (в первую очередь, устами Дарьи Чумиловой) делает абсолютно в духе примитивной ранней советской агитки: разрушить до основания старый мир и построить новый, несмотря на жертвы (смерть Нюрочки).

Поскольку социальная жизнь в раннем СССР перестраивалась на коллективные начала, постольку и в русской прозе 1920-1930-х гг. «проклятый квартирный вопрос» получил свою репрезентацию в форме устойчивых типов коллективного жилья, а общемировая [22] оппозиция «дом/бездомье», которая для русской литературы имеет устойчивую традицию [7; 10] и которая входит в структуру мотива «квартирный вопрос», получила резкий уклон в сторону второй своей части – бездомья, – потому что неустроенность быта в его жилищном выражении воспринималась адептами революции как временное, переходное состояние, которое должно было сменить ожидаемое «светлое» будущее.

Так, в повести А. П. Платонова «Эфирный тракт» (1927) мотив неустойчивости, временности создается за счет описания строительного материала:

«Идя уже по улицам Ржавска, Фаддей Кириллович читал странные надписи на заборах и воротах, исполненные по трафарету: “тара”, “брутто”, “Ю. З.”, “болен”, “на дорогу собств.”, “тормоз не действ.”. Оказывается, городок строился железнодорожниками из материалов, принесенных с работы» [17, с. 15].

Надписи не только отправляют читателя к мотиву движения, связанного с железной дорогой, но и символически характеризуют настоящее: оно больно («болен»), оно неживое («тара», «брутто») и оно лишено постоянства («тормоз не действ.»).

Многочисленные стройки, командировки, массовые перемещения людей по стране (добровольные и, к сожалению, принудительные) – все это ломало привычный образ проживания, отрицало уют и его символ – дом. Идея движения, ломки традиционных жилищных схем была закреплена в утопических проектах советских архитекторов [15, с. 60-72]. В этом отношении показателен роман В. П. Катаева с симптоматическим названием «Время, вперед!» (1932), в котором бездомье становится символом борьбы страны за будущее, а сам дом вынесен из настоящего в будущее. Поэтому один из главных героев Ищенко не вполне политкорректно мечтает:

«А там – и на Урал. Завербовался. А почему бы и нет? Надо жить, надо деньги копить, надо гнездо готовить» [5, с. 356].

Ярким примером доминирования «бездомья» над «домом» служит творчество А. П. Платонова, который конечной, закономерной и естественной в условиях новой идеологии формой коллективного жилья видит котлован-могилу, что является свидетельством «разочарования в идеях коммунизма» [2, с. 244]. В отличие от Катаева, Островского и целого ряда писателей соцреалистического направления, для которых бездомье является символом трудового героизма, Платонову присущ пессимистический взгляд на настоящее, которое видится ему в апокалиптических тонах. Поэтому в его поэтике наблюдается деформация [18, с. 32] дома как предельное выражение деформации жизни вообще, что позволяет исследователям его творчества говорить о мотивах ««неосуществленного» дома» [13, с. 14] и «бездомья» [19], о мнимости платоновского утопического жилья [11], выделять дома, непригодные для жилья, и дома-идеалы [12].

Прошлое (в виде модуса его символа – дома) чуждо идеям строительства «светлого будущего». Сузанна из романа Л. М. Леонова «Соть» (1930) желает «отряхнуть с себя вонючую пыль прошлого» [8, с. 73]. И не случайно – уже в самом начале романа Леонов создает образ тюрьмы-колодца, в котором добровольно проживает монах Евсевий, символизирующий загнивающее, отмершее, обезноженное прошлое (образ жилья как тюрьмы вообще является устойчивым для Леонова).

Старое поколение («вонючая пыль прошлого») должно сойти с исторической арены, о чем писал и А. Н. Толстой относительно своей героини повести «Гадюка» (1928) Ольги Зотовой:

«Я нарочно написал Ольгу такой, какая она есть. Не нужно забывать, что <...> время, в которое Ольга совершила свое преступление, было до начала пятилеток, то есть в то время, когда не началось еще массовое перевоспитание людей.

Для перевоспитания людей нужно изменить материальные и общественные условия. <...> И перед всей страной не был еще поставлен конкретный план строительства бесклассового общества... Тогда такой, как Ольга, легко было соскользнуть к индивидуализму» [21, с. 819].

Для «массового перевоспитания людей» личный дом мало подходил, этому больше соответствовали колонии, приюты, детские коммуны, трудовые школы (не случайно в рассматриваемый период популярными становятся сочинения А. С. Макаренко и повесть Г. Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид» (1926)).

Разрушение модуса дома в русской литературе 1920-1930-х гг. было обусловлено определенными причинами. Во-первых, для пореволюционных лет характерна установка новой власти на уничтожение всего положительного, что было связано с отрицаемым прошлым. Поэтому критика дома как традиционной формы проживания, как символа чуждой новой власти дореволюционной культуры стала одной из главных задач литературы начала 1920-х гг. В связи с этим остракизму подвергалось все, связанное с домом, который последовательно разрушается в основных своих чертах, таких как уют, чистота, уединенность, индивидуальность, интимность, безопасность.

Тоска по традиционному образу дома в произведениях М. А. Булгакова, И. А. Бунина, И. С. Шмелева и проч. была заглушена плакатными призывами к его уничтожению в произведениях русских писателей, выразивших свою сервильность новой власти (Ф. И. Гладков), исповедовавших философию коммунистической безбытности (Н. А. Островский), объяснявших временный характер неустроенности жилищного быта (В. П. Катаев).

Во-вторых, гибель дома в русской литературе стала отражением тех процессов в организации быта нового государства, которые касались именно вопроса жилья. В литературе в рамках мотива «квартирный вопрос» происходит замена/разрушение устойчивого образа дома образом коммунального/коммунального жилья, что было репрезентацией реальной повседневной жизни простого советского человека, для которого «нормальным», естественным жильем стал не свой дом, а коммунальная квартира, барак, коммуна.

Список литературы

1. **Великая Н. И.** «Белая гвардия» М. Булгакова: Пространственно-временная структура произведения, его концептуальный смысл // Творчество Михаила Булгакова: сб. ст. / под ред. Ю. В. Бабичевой и Н. Н. Киселева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 28-48.
2. **Вьюгин В. Ю.** Андрей Платонов: поэтика загадки. (Очерк становления и эволюции стиля). СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. 440 с.
3. **Гладков Ф. В.** Цемент: роман. М: Художественная литература, 1967. 335 с.
4. **Капустина С. Н.** Русский дом и семья в творческой эволюции Е. И. Замятина: пути художественных решений: дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2002. 199 с.
5. **Катаев В. П.** Время, вперед! // Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 2. 590 с.
6. **Кувшинов Ф. В.** К анализу мотива «квартирный вопрос» в русской литературе 1920-1930-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. 1. С. 105-107.
7. **Лакшин В. Я.** О доме и бездомье: Александр Блок и Михаил Булгаков // Литература в школе. 1993. № 3. С. 13-17.
8. **Леонов Л. М.** Соть // Леонов Л. М. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 4. С. 7-283.
9. **Макаренко А. С.** Педагогическая поэма // Макаренко А. С. Педагогические сочинения: в 8-ми т. М: Педагогика, 1984. Т. 3. С. 8-459.
10. **Мамонова О. В.** Семантика сюжетных мотивов дома и бездомья в русской романтической поэзии. В. А. Жуковский. М. Ю. Лермонтов: дисс. ... к. филол. н. М., 2004. 131 с.
11. **Маркштайн Э.** Дом и котлован, или Мнимая реализация утопии // Андрей Платонов: Мир творчества. Воспоминания современников. Материалы к биографии: в 2-х кн. М.: Современный писатель, 1994. Кн. 2. С. 284-302.
12. **Матвеева И. И.** Феномен дома и его художественное воплощение в творчестве А. П. Платонова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 3 (15). С. 27-35.
13. **Матвеева Н. В.** Драматургическая трилогия А. Платонова («Шарманка», «14 Красных Избушек», «Ноев ковчег»): система мотивов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2008. 24 с.
14. **Меерович М. Г.** Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми, 1917-1937. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 303 с.
15. **Паперный В. З.** Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 408 с.
16. **Платонов А. П.** Усомнившийся Макар // Платонов А. П. Усомнившийся Макар. Рассказы 1920-х годов. Стихотворения. М.: Время, 2011. С. 216-234.
17. **Платонов А. П.** Эфирный тракт // Платонов А. П. Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов. М.: Время, 2011. С. 8-94.
18. **Проскурина Е. Н.** Иконография «несвятого семейства» в «Котловане» А. Платонова (сцена «У дома шоссеного надзирателя») // Филологический класс. 2014. № 1 (35). С. 31-36.
19. **Проскурина Е. Н.** Мотив бездомья в произведениях А. Платонова 20-30-х гг. // «Вечные» сюжеты русской литературы («блудный сын» и другие). Новосибирск, 1996. С. 132-141.
20. **Ребель Г. М.** Дом – Литература – Дом [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/doprub_13_264 (дата обращения: 28.07.2015).
21. **Толстой А. Н.** Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Т. 4. 832 с.
22. **Шутова Е. В.** «Дом» и «бездомье» человека: терминальный статус и формы бытия в культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 1 (13). С. 85-90.
23. **Щербакова П. О.** Локус коммунальной квартиры в рассказах М. Зощенко // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 3. С. 90-94.
24. **Яуре М. В.** Проблема городских локусов в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 18 (98). С. 93-99.

THE DEATH OF “HOUSE” IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 1920-1930S

Kuvshinov Feliks Vladimirovich, Ph. D. in Philology

*Lipetsk Institute of Cooperation (Branch) of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
fkuvshinov@yandex.ru*

In the article by the example of the Russian literature of the 1920-1930s the destruction of the house modus is considered as the representation of social and historical changes occurred in the early Soviet Union. The house as a symbol of persistence, individuality, and comfort contradicted the spirit of the era of post-revolutionary years, which are characterized by large-scale constructions, the masses movements, and the ideas of building the future society. In this context, the traditional symbolics of the house in the official literature changed its evaluating quality from positive to negative: the house became the locus inhabited by an enemy, a traitor, an opponent of the new policy and ideas of education of the new society human that becomes a justification for the house discredit.

Key words and phrases: representation of everyday life; house; symbol; housing problem; homelessness; way of life.